

18+

Павел С. Желтов

СЕРДЦА ЗОНА

Павел С. Желтов

Серая зона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73481173

ISBN 9785006942530

Аннотация

Текст, который держит в плену до последней строки. «Серая зона» – это крепкий коктейль из неонуарного детектива, приземлённого на питерские локации, городской антропологии и психологического триллера. Эта история – путешествие по мрачному лабиринту, петляющему между реальностью и невидимыми смыслами, где единственная задача – найти выход из безысходности. Это проведённое с холодной точностью мифопоэтическое исследование травмы города и человеческой души с признаками гностической притчи.

Содержание

Пролог	5
1 глава	15
2 глава	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Серая зона

Павел С. Желтов

© Павел С. Желтов, 2026

ISBN 978-5-0069-4253-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

*«Выходит утром на балкон
Король «Оранжевое лето».
Берёт гитару в руки он
И целый день поёт куплеты»
Вадим Степанцов*

Мальчик был счастлив. Он пока не знал, что то, что он сейчас чувствует, называется именно так, может быть, и не узнает никогда, но его состояние было близко к полному – тотальному космическому – счастью.

Мальчик творил! Вернее, опять же, он не стал бы использовать сейчас это слово: «что же ты творишь?» в мамином исполнении говорило о том, что он занят чем-то однозначно нехорошим (впрочем, такое случалось редко, мальчик подчинялся правилам, мальчик их любил, поскольку правила почти гарантировали предсказуемое течение событий). Сейчас же он был как раз занят просто замечательным делом. Он строил замок! Крепость! Дворец!

Они с родителями приехали сегодня на озеро рано утром. Мальчик не помнил, как его, спящего, отнесли в машину, не помнил и самой дороги. «80 с небольшим километров от Ленинграда, для „шестёрки“ – это раз плюнуть», гордо говорил папа, когда в семье было объявлено, что они едут на Ладугу, на базу папиного НИИ. Конечно, вторил мальчик

папиным словам, это ведь не какая-нибудь «копейка»!

Мальчик проснулся, когда подъезжали. Ехали прямо по укатанному песку: дорога пролегла меж сосен, отчего в машине пахло пылью и хвоей.

«Оптик» – прочёл мальчик на арке ворот. У забора из толстых зелёных стальных прутьев устроились на отдых машины: пара четырёхсот двенадцатых «Москвичей», три «Копейки», две «Волги» – двадцать первая и двадцать четвёртая. Если у автомобилей и были цвета, то мальчик их всё равно не различил бы: машины были сильно припорошены пылью, да и не до этого было, ведь где-то здесь было озеро!

– Пойдём, дорогой, – это мама пригласила мальчика выйти из машины.

Мальчик открыл дверцу и спрыгнул на песок. Было тепло и немного ветрено. Уже довольно высоко забравшееся для утра летнее солнце играло в прятки: то появлялось из-за белых ватных облаков, то снова пряталось на ними.

Папа достал из багажника тряпочную сумку в цветочек и отдал маме, захлопнул крышку, закрыл все окна. Запер двери и пошёл в ворота «устраиваться». Мама вынула из сумки пластмассовое ведёрко и совок, вручила мальчику.

– Пойдём, дорогой, – повторила она.

– А формочка? – требовательно поинтересовался мальчик. Мама снова порылась в сумке и извлекла жестяной силуэт заячьей головы – формочку для фигурного печенья, которую мальчик использовал для игр в дворовой песочнице.

Вручила зайца мальчику и вдруг сильно, от души, потянулась, привстав на цыпочки и раскинув напряжённые руки в стороны. – Как же хорошо!

Женщина взяла ребёнка за руку, и они пошли в ворота – туда, куда три минуты назад отправился папа.

На деле «база», о которой с таким уважением говорили родители уже несколько недель, оказалась песчаной улицей, вдоль которой стояли разноцветные дощатые домики – двенадцать, сосчитал мальчик. Улица упиралась во что-то голубое и невообразимо огромное. Мальчик знал, что это Ладожское озеро. Так же называлась голубая клякса с неровными краями в атласе, который мальчик рассматривал дома. Левее и ниже кляксы был нарисован кружок с надписью Ленинград. Но то, что увидел мальчик сейчас, не шло ни в какое сравнение с тем, что он представлял раньше, ориентируясь на папины рассказы и картинки в детских книжках о дикой природе. Мальчик стоял и смотрел. Забыв о приличиях, он даже открыл рот и не заметил, как мама легонько приподняла его челюсть, не забыв напомнить, что в их семье полоротых не было на много поколений вглубь.

– Ну что, пойдём посмотреть домик? – предложила мама.

– Можно я тут ещё побуду? – попросился мальчик.

– Хорошо. Только в воду не лезь. Раздевайся и играй на песке, мы с папой скоро придём

– А потрогать можно?

– Потрогать можно. И ноги намочить тоже можно – по ши-

колотку, – создала мама новое правило и ушла.

Мальчик стащил через голову майку, аккуратно сложил и искал глазами, куда бы пристроить. Не найдя, положил на песок, сверху устроил шорты, рядом поставил сандалии.

Он, как и было велено, вошёл в воду по щиколотку. Вода была холодная и немного колыхалась вверх-вниз. Мальчик набрал её в ведёрко и вышел на берег. Отошёл на несколько шагов от кромки и вылил в песок содержимое ведёрка. Вода быстро исчезла, оставив тёмное пятно. Мальчик присел и с интересом поковырял мокрый песок пальцами, потом копнул пятно совком. Ямка от вынутого грунта сохранила очертания совка. Мальчик копнул ещё, насыпая рядом с ямкой горку из мокрого песка. Потом похлопал по верхушке, выравняя, и приложил к поверхности свою формочку, вдавил, аккуратно, ногтями, вынул приспособление. На песке отпечатался небольшой круг, из которого сверху торчали два продолговатых эллипса – заячья голова и заячьи уши. Мальчик полюбовался результатом, встал, взял ведёрко и снова пошёл за водой.

И всё. Мальчик, что называется, пропал, проглоченный новым увлечением. Он вновь и вновь приносил из озера воду, выливал в ямку, в которой готовил «раствор» для своего творения, зачёрпывал вязкий песок, укладывал на растущие крепостные стены и башни, полностью поглощённый процессом, гладил совком поверхности, выравняя, убирая лишнее. Образ того, что должно получиться, уже был в го-

лове мальчика, осталось только воплотить его в реальность. Мальчик так увлёкся, что не заметил, как пришли родители, расстелили неподалёку покрывало, полежали на нём, искупались и снова полежали. Впрочем, мальчику пришлось согласиться сходить в положенное время в столовую. Но вот право не спать после обеда ему отстоять удалось, и мальчик побежал на берег достраивать свой замок. Потом приходил папа с «ФЭДом», поставил мальчика рядом с его неоконченным шедевром, терзая его нетерпение, снял по всем правилам – из-под солнца. Мальчик почти не обратил внимания на этот мимолётный и совершенно неважный эпизод.

Вечерело, когда родители тоном, не терпящим споров, велели заканчивать. Договорились, что профессия строителя требует отдыха, а продолжить можно завтра. Мальчик отпечатал на верхней части самой высокой из уже готовых башен знак зайца и позволил маме смыть с себя песок озёрной водой. Он чувствовал, что устал, но не мог думать ни о чём кроме своего замка. Впрочем, именно усталость и не позволила ему пуститься в дискуссии на тему «ну можно ещё чуть-чуть?»

После ужина семья отправилась «домой». «Их» домик был ближайшим к воде – это называлось «организовать по благу». Папа сказал, что мальчик сможет смотреть на озеро, когда захочет. Но мальчика не интересовало озеро: из окна, если встать коленями на кровать под ним, был хорошо виден недостроенный замок.

– Дорогой, пора укладываться, – это мама.

Мальчик разделся до трусов и забрался под простыню. Свет в домике был уже выключен кем-то из родителей, но всё равно было недостаточно темно: отголоски белых ночей ещё позволяли увидеть контуры того, что было в комнате. Вон – мамина кровать, вон – папина. Вот стол, на котором пустая стеклянная банка с «походным» кипятильником в ней. Этот кипятильник – атрибут цивилизованных путешественников, говорил папа. Значит, есть нецивилизованные, думал мальчик, это те, что ездят на запылённых «копейках» и, случается, не закапывают пустые консервные банки.

Все эти мысли и ассоциации какой-то мелкой рябью пробегали по засыпающему сознанию мальчика. В центре же тяжёлой светящейся гирей стоял песочный замок на берегу озера и всё, что предстоит сделать завтра. Мальчик не спал и не бодрствовал. Он погрузился в какой-то транс, находясь одновременно со всех сторон вокруг замка, созерцал, планировал и наслаждался красотой уже существующих и будущих линий.

На поверхность его выдернул громких женский хохот. Кто-то бегал по песку прямо у кромки воды и смеялся. Иногда к женскому голосу ненадолго присоединялся мужской. Мальчик отбросил одеяло, вскочил на колени и прильнул к окну.

Над озером висел большой багровый круг, разрозненные блики от которого сверкали на воде. А вот место, откуда до-

носился шум веселья, и где, к великому ужасу мальчика, находился недостроенный замок, тонуло во мгле. Раскаты хохота прозвучали ещё дважды, потом прекратились. Вернее, через непродолжительное время их сменило какое-то смутно знакомое постанывание, будто человек не боль выражает, а реагирует на слишком интенсивные поглаживания. Это как если слишком сильно гладить кошку, то можно выдавить из неё натужный «мр-р-р-р». Новый звук стал повторяться всё чаще и громче, постанывания превратились в стоны.

– Ложись, ложись, дорогой, – мамины руки мягко и настойчиво легли на плечи и повлекли мальчика от окна и вниз – на кровать. – Ложись, там ничего, там дураки резвятся, сейчас прекратят. Спи, дорогой.

Словно в подтверждение маминых слов, с берега донёсся особенно громкий стон, после чего шум прекратился вовсе. Мамины руки сделали своё ласковое дело: мальчик уснул.

И утром был разбужен завтракать.

Мальчик не помнил ночного происшествия, поэтому с готовностью согласился отложить поход на стройплощадку на после завтрака.

Идя в столовую, они являли собой образец семейного счастья и благополучия. Молодая фигуристая мама в лёгком цветастом сарафане держала мальчика за левую руку. На-

дѣжный и благодушный папа – за правую. Впрочем, даже через эту благодушность сквозил, прорываясь сквозь линзы очков «на -3», целый ведущий научный сотрудник ленинградского НИИ оптики. Поэтому с ними все здоровались, а тётка на раздаче, вернее, женщина, поправила мама, даже улыбнулась мальчику.

Столовая – это, наверное, самое главное здание на базе, думал мальчик. Главнее даже администрации. Сутью являясь большим плоским аккуратным сколоченным сараем с окнами, столовая была здесь центром добровольной светской жизни: все говорили друг другу «доброе утро», «как водичка? – ох, отличная», и «я сегодня спешить никуда не собираюсь, завтра успею отсюда сразу в НИИ».

Мальчика усадили за стол и поставили перед ним тарелку с манной кашей. Мальчик уже было погрузил ложку в субстанцию цвета слоновой кости, но тут услышал то, от чего мгновенно вспотел: тот самый женский хохот, который так встревожил его ночью. Глазами загнанного волками на край обрыва оленёнка мальчик нашёл источник звука. Через два столика от него, в профиль сидела молодая женщина и, запрокинув голову с распущенными каштановыми волосами, заливисто хохотала.

– Как вульгарно, – сказала мама вполголоса.

– Тише, – тем же способом сказал папа, – это дочка Дениса Петровича, вроде бы совершеннолетие приехала отмечать. С будущим зятем Дениса Петровича.

– И что теперь, мешать всем завтракать? – не унималась мама, впрочем, не повышая голоса.

– Оставь, оставь, – бормотал папа.

Мальчик вдруг вскочил и вылетел из соловой. Ветер на своих крыльях вынес его на берег. К замку... К руинам замка, к развалинам, которые оставили после себя варвары! Видно было, по замку сначала пробежала команда бегунов, а потом вернулась и вдоволь повалялась на том, что осталось. И

– Они что, танцевали? – спросил он тихо.

Глаза маленького растерянного человека искали того, кто мог бы ответить, объяснить, рассказать, что ничего страшного не произошло. Но вместо этого в центре всей этой катастрофы увидели, что в песке отчётливо отпечатались следы ладони и стопы вокруг двух ровных кругов ягодиц, которые уселись прямо на творение мальчика и, казалось, прыгали, прыгали на нём, прыгали и стонали, прыгали и стонали...

– Это что? Попа? – спросил мальчик громче. – Это что? Попа?!

Из глаз запоздало брызнули слёзы, а вместе с ними из гортани мальчика вырвалось одно из «запретных слов»:

– Нет! Это не попа! Это жопа! Это Жопа! Это жопа, жопа, жопа!

Подбежавшая мама успела подхватить обмякшего мальчика на руки. Он был горячим, глаза закатились под лоб, щёки горели каким-то совершенно кумачовым румянцем.

Было решено немедленно ехать домой.

1 глава

*«Солнце чертит круг и снова
За спиною, как часовой —
Чуть короче жизнь и чуть длиннее тень.
Но ответить не готово
Небо над моей головой —
Для чего я здесь считаю каждый день»
Маргарита Пушкина*

Итак, утро. Сравнительно раннее осеннее утро: 8 часов 8 сентября, понедельник. Я проснулся, по обыкновению, за несколько минут до будильника, отбросил одеяло, подхватил телефон и отправился на кухню ставить чайник и молоть кофе. Может быть, кто-то скажет: врѣшь! Никто не идѣт после утреннего пробуждения сразу на кухню! Но я отвечу твѣрдо: «нет!» И большинство молодых здоровых мужчин меня поддержат: надо сначала поставить чайник и даже, может быть, сделать бутерброды, и только тогда у тебя получится избавиться от жидкости, в которую твои почки за ночь превратили твою кровь. А я, к слову, в свои 45 на здоровье жалуюсь не слишком.

Впрочем, всё это не достойная долгого внимания лирика. Поэтому я насыпал в турку три с горкой ложки кофе, залил всё это дело кипятком и поставил на плиту. Если без кипятка в этой цепочке, а просто воспользоваться холодной

водой из фильтра, то слишком долго ждать, и можно... ну, скажем, не дотерпеть. А так – идеально: пока доставал колбасу и сыр из холодильника, над туркой поднялась тёмно-коричневая шапка, я ловко подхватил эту конструкцию, переставил на соседнюю конфорку, вырубил горячую и тогда уж пошёл в туалет.

Судя по цифрам на телефоне, за окном была очень приличная для сегодняшней даты погода: +19 в безветренной тени. А глаза, считавшие обстановку за окном, говорили, что и саму-то тень ещё поискать надо: редкие облачка лишь подчёркивали чистую голубизну неба, а двор под окном, детскую площадку и скамейки с навесом – прибежище ископаемых доминошников – ярко освещало забравшееся уже высоко солнце.

Сегодня запланирована лишь одна консультация, потом свободен. С одной стороны, это здорово, с другой – незаработанные деньги. Но в любом случае это стоит принять как данность и не переживать попусту. Я ведь не особенно занимался рекламой своих услуг, у меня по понятным причинам довольно узкая аудитория, а новых клиентов совсем мало. Объяснить легко: я консультирую в рамках подхода РЭПТ, который требует довольно серьёзных усилий от всех участников, особенно если один из них – неподготовленный человек под перманентным давлением стресса. Я не тот психолог, вернее шаман от психологии, который гарантирует результат, даёт конкретные советы и ответы на самые экзистенци-

альные вопросы. Я умышленно выбрал трудный путь, который мало кому нравится. Зато этот выбор не требует сделок с совестью, и я верю, что, делая эту работу, делаю немного лучше и мир, который, в том числе, состоит и из людей, которые обращаются ко мне за помощью.

Я дожевал бутерброды, допил кофе из кружки, долил туда остатки и всыпал две ложки сахара, помешал со звоном. Теперь можно и покурить.

Да уж, воистину, погоды стояли нынче... спасибо, осень, что в этом году не спешишь окрасить улицы нашего прекрасного города в серый цвет. И так каждую зиму приходится пить витамины, чтобы были силы на элементарное функционирование. Я знал, что в любой момент ветер может пригнать с Финки свинцовые, налитанные снобской европейской водой тучи, которые мигом охладят на полтора десятков градусов улицы, парки, памятники, каналы и мосты, соберут на люках инженерной инфраструктуры нахоложденных голубей, сделают жителей ещё более отчуждёнными и раздражительными в строгом соответствии с принятыми по умолчанию правилами. И только туристы будут вертеть шеями и недоумевать: а чего это вы такие злые все? Не злые мы, дорогая тётя и дорогой дядя, это просто стратегия такая, у нас так принято.

Когда я закончил все обязательные утренние процедуры и полистал новости, до назначенной встречи остался час. Я оделся в джинсы и нейтральную футболку, накинул вет-

ровку, вдел ноги в реплику брендовых кроссовок, нацепил на нос брендовые солнечные очки и пошёл себе «на работу».

От моего дома на проспекте Тореза до Политехнической где-то километра три, чуть меньше. Хорошим шагом можно домчаться минут за 25. А можно растянуть удовольствие и неспешно пройтись по Сосновке.

Я пересёк дорогу под назойливый зуммер зелёного, и пошёл почти вразвалочку: мимо летней сцены, воинского кладбища, минуя никому не нужные в это время теннисные корты... Я не стал сворачивать к верблюду, отыскал тропинку поменьше – в сторону от основных аллей, направил стопы свои по ней – к почти лесным зарослям. Можно идти и ни о чём не думать, а можно думать о том, что погода – прелесть, вороны – каркают, какие-то стрёмные пёстрые мухи – жужжат, а пачка сигарет в кармане – есть. И бензиновая зажигалка к ней тоже есть.

Тропинка сделала небольшую загогулину вокруг какого-то уж слишком густого куста. Обогнув этот гордый образчик питерской флоры, я вдруг сообразил, что ничего не понимаю. Слишком уж резко утро перестало быть приятным.

Первым, что мне бросилось в глаза, был белый с синей полосой «Соболь», оглушавший расслабленный взор яростной атакой агрессивно-васильковых проблесковых маячков. Эта машина так же органично вписывалась в безмятежный пейзаж лесопарка, как тот танк – в ворота ростовского цирка. Эти машины объединяло одно: они были не нужны в ме-

стах, где находились, чертовски, отталкивающе чужеродны. Я всей душой не хотел сейчас видеть этот соболь на затерянной поляне огромного осеннего парка огромного осеннего города. Но я его видел. Он мне не нравился. И это раздражало.

– Мужчина, сюда нельзя! – оказывается, на поляне была не только полицейская машина, но и сами полицейские. И кроме них – какие-то люди в штатских костюмах и белых комбинезонах. А сама поляна была огорожена сине-белой лентой, в которую я, оказывается, упёрся с разгона. Был и патрульный, который адресовал мне запрет.

– А что, собственно, случилось? – мне было интересно. Вместе с тем я почувствовал лёгкую тревогу. Это как читаешь новости, и глаза выхватывают «...пассажирский самолёт авиакомпании... вне населённых пунктов...», а у тебя кто-то из хороших знакомых, а то и родных, сейчас летит. И ты жадно ищешь подробности, чтоб убедиться, что пронесло.

– Мужчина, вам придётся вернуться к основным аллеям, – насупился правоохранитель. Ему явно кто-то рассказал, как следует отвечать зевакам. Чувствовалось, что сам-то он бы ответил по-другому.

И тут с огороженной поляны, на которой копошились разные люди, раздался вопль, выражающий тоску такой силы, что патрульный на время потерял ко мне интерес:

– Полиция! Выключи наконец свою люстру! Глаза болят, сил уже никаких!

Орал мужчина в тёмном костюме, державший немного в стороне от уха телефон, по которому, судя по всему, докладывал начальству обстановку, да отвлёкся на крик души. Кто это? Судя по чёрной с красной полосой легковушке рядом – следователь. Тогда вон те, в белых комбезах из нетканки – эксперты-криминалисты. А что они тут делают? Суетятся вокруг похожего на бетонный, тёмно-серого столба. Невысокого такого, на глаз – чуть больше полутора метров. Причём как-то для бетонного столба чересчур суетятся, тревожно как-то это делают: ищут что-то в траве, окуривают этот самый столб дымом из какого-то приборчика, делают пометки в блокнотах, отрывисто обмениваются неслышной отсюда короткой информацией.

– Мужчина! – это очнулся мой патрульный.

Я посмотрел на него и вдруг он тихо, совершенно с другими интонациями сказал:

– Сударь, уйдите.

Я развернулся и пошёл прочь. Исследование странной поляны отняло от силы минут пять, но у меня появилось ощущение, что я опаздываю. Поэтому я сунул руки в карманы ветровки и скорым шагом двинулся в свой офис.

Клиента звали Сергей и он владел небольшой сетью прачечных в спальнях, успевших стать уже чуть ли не истори-

ческими, районах типовой советской застройки. И нет, он ни на что не жаловался: с ним-то было всё в порядке! Он пришёл просить совета, как быть с сыном – двадцатилетним охломоном, не желающим вникать в дела и в дальнейшем наследовать «империю», в связи с чем Сергеем овладела тоска.

Мы сидели в моём «офисе» – небольшом кабинете, отделённом от улицы крошечной прихожей без окон, в которой клиент мог повесить верхнюю одежду. В самом же кабинете всего одно окно – слева от меня и, соответственно, справа от посетителя. Да и то забрано решёткой. В нашем распоряжении два кресла весьма условной удобности (какие были в Икее за деньги, которые я мог себе позволить три года назад), которые твёрдо стояли на всех своих четырёх ножках. Раньше были более удобные, но они вращались, поэтому клиенты, забываясь и увлекаясь, начинали крутиться туда-сюда, вызывая раздражение. Надоело, знаете ли, постоянно говорить: «не вертитесь, пожалуйста». У дальней от окна стены – простой стол с рабочим ноутбуком, ворох бумаг. На полке над столом – папки с «делами» текущих клиентов. В принципе, всё было и в компьютере, но бумажное воплощение моей работы мне всё равно хотелось иметь под рукой. Кроме того, думаю, оно добавляло мне определённой солидности, что ли.

– Ну вот рассудите сами, – убеждал меня Сергей. – Парень ни в чём не нуждался с самого детства. Хочешь приставку – пожалуйста, хочешь телефон – нокия там, шнокия – идём

покупаем. Школа – лучшая в районе, репетиторы, все дела. Учился хорошо, это да. Поступил опять же, закончил. И всё.

– Что – всё? – уточнил я.

– Всё – это то, что он не слушает меня, дома не появляется. Делает вид, что деньги ему по барабану. – Он немного подумал. – У нас нет... диалога у нас нет, так сказать.

– А как вы себе представляете этот диалог? Что вы хотите, чтобы он вам отвечал?

– Я хочу с ним быть как равный с равным. Вернее, как старший партнёр с младшим, всё же бизнес мой. Его он станет позже, когда я решу, что пора.

Сергей был убедителен – абсолютно и, как ему казалось, бесповоротно – в рамках его картины мира, конечно. Среднего роста, средней полноты, сохранивший к своему полтиннику практически все волосы на верхней части головы и довольно здоровый цвет лица, он всем сердцем желал своему сыну добра, процветания и счастья. Только вот представления об этом самом счастье у них были разные. Его «империя чистоты» (Кстати, почему именно прачечные? Только ли финансовый расчёт или тут стремление к чистоте и отмыванию, исправлению неправильного?) никак не привлекала парня. Вся трагедия в том, что Сергей хочет передать сыну не ресурсы, а систему координат, в свою очередь юноша эту систему отвергает. Незадача. «Бумеры и зумеры», ёлки-палки. Парню интереснее работать в ка-бэ днём, а по ночам рубить панкоту где-то на репбазе на Ваське. Он и жить при-

норовился там же, лишь бы выбраться из-под папенькиного давления.

– Давайте сейчас по-честному, Сергей. Ко мне пришёл не он, а вы. Так что разговор о вас.

– Про меня не надо, со мной всё нормально. У меня бизнес, квартира, дача, семья. Просто мне надо знать, как вправить ему мозги.

– Свои вкладывать, я полагаю, уже пробовали?

– Не берёт. Наверное, упустил что-то, когда он подростком был. Но он хорошо прикидывался, так сказать, не вызывал подозрений. А сейчас вот...

– Обидно?

– Обидно! – на автомате подтвердил Сергей.

И стало ясно, что ему действительно обидно – до слёз, бессонницы, до дрожи в руках. Он даже подобрался в кресле и сейчас смотрел на меня немного исподлбья.

– Стоп. Спокойно, – я выставил ладонь. – Сейчас будет немного больно, но нам необходимо понять, почему обидно.

Сергей подался ещё вперёд.

– Да как почему! Я ему дал всё, он рос, учился – всё было! Он должен быть мне благодарен!

– А он не благодарен?

– Конечно, нет! – он смотрел на меня, как на дурака, и злился. Думал, поди: нафига я к этому полудурку пришёл, если он не понимает элементарных вещей.

– И от этого обидно, верно? – этим резюме я точно поста-

вил на себе крест в его глазах.

– Да.

– Отлично. Мы нашли эмоцию. Теперь давайте найдём мысль, которая её питает. В основе обиды всегда лежит убеждение. Какое? Закончите фразу: «Мой сын...»?

– ...Должен быть мне благодарен! – почти выкрикнул Сергей, всё ещё на взводе.

– Вот она, мысль. «Должен». Абсолютное, железное требование к реальности. И реальность ему не соответствует. Отсюда и боль, – я сделал паузу, давая этому осесть. – Теперь вопрос на миллион: где доказательства, что он именно должен? По какому закону? По уголовному кодексу? По правилам прачечных?

– Это... Это же естественно! – голос Сергея стал менее уверенным. – Отец всё дал...

– Естественно – это биология: есть, пить, спать. Чувство благодарности – сложная социальная эмоция. Её не гарантирует даже вложение ресурсов. Вы требуете от него того, что не подчиняется приказу. Ваше «должен» – это ваш внутренний закон. И он сейчас бьёт по вам же.

– Значит, просто смириться? – в его голосе прозвучало горькое разочарование.

– Нет. Это шаг в сторону. Давайте сменим «должен» на «хотел бы». «Я очень хотел бы, чтобы сын чувствовал благодарность и разделял мои ценности». Слышите разницу? Первое – требование, которое фрустрирует. Второе – пред-

почтение, которое оставляет место для реальности и... для диалога. Не со стеной, а с живым человеком.

Мы поговорили ещё. О катастрофизации, о замене компонента В, я рассказал, предварительно заговорщицки оглянувшись на окно, анекдот про публичный дом и клиента, который вызывал ужас у его персонала. Сергей довольно постепенно расслабился, поняв, что разговор перешёл в теоретическое русло и атак на его священные установки пока не предвидится. Не дурак мужик, быстро вник в систему. И, главное, ему стало заметно легче. Он получил не то, за чем пришёл. Но всё же понимание определённо подарило ему облегчение.

Сергей ушёл, оставив запах пота и тоски. Я открыл окно и подставил лицо свежему воздуху настоящего бабьего лета. «Империя прачечных». Хорошая, чёрт возьми, метафора. Мы все что-то отстирываем. Кто – деньги, кто – грехи, кто – следы. А некоторые вещи въедаются намертво. И тут хоть кипяти...

После консультации я зашёл в пекарню – боевую единицу большой сети, приманивающей покупателей высоким чувством «любовь». Пока стоял в очереди, в кармане коротко вздрогнул телефон. Вытащил, посмотрел: сообщение от дочери.

«Срочно нужно увидеться»

«Через полчаса буду дома»

Я взял пару супов в картонных стаканах, несколько слоек и, немного подумав, бутылку клюквенного морса. Давно Таня не писала мне ничего кроме «как дела?». А тут настолько прямое требование, что пытаться дистанционно выяснить причину было бы бессмысленно, добавил бы только щепотку досады в и так, судя по всему, пересыщенный эмоциональный суп девочки. Лучшим решением было просто ускориться и дать ей то, что она просит.

Мысли о Сергее и Тани сменяли друг друга в такт моему скорому шагу. Что могло произойти? Было бы что-то совсем страшное – позвонила бы. А раз написала, значит, дело терпит. Но не сильно: «срочно» в исполнении моего ребёнка – это как раз про то, что действительно чем быстрее, тем лучше. Интересно, остались ли в голове Сергея хоть какие-то следы новой конструкции, которую мы вместе с таким трудом выстроили? Или уже всё выдуло, и он уже снова дует на непутёныша и сжимает кулаки? Видно будет. Главное, чтобы пришёл в следующий понедельник за добавкой: и ему польза, и мне прибыль. Словом, всем хорошо. А вы говорите, не бывает, чтобы всем.

Я взбежал на третий этаж, шурша уже слегка промасленным пакетом. Таня уже ждала под дверью. Мы коротко обнялись.

– Что не зашла?

– Ключ не брала. Не думала, что понадобится.

Я отпер дверь, толкнул, приглашая девочку первой переступить порог. Впрочем, какая девочка? Красивая спортивная девушка с уверенными движениями и прямым взглядом. 19 исполнилось летом, второй курс института, масса увлечений, весёлые и умные друзья и подруги. Сознательно живёт в общежитии, хотя могла бы и со мной, я предлагал: на кухне есть кресло-кровать, которое меня вполне устраивало.

Таня без применения рук сбросила кроссовки, ловко отправив их по дуге в угол, повесила джинсовку на вешалку, прошла на кухню и уселась между холодильником и столом. Я вытряхнул содержимое пакета на стол, она подхватила покотившуюся было бутылку и аккуратно поставила её.

Я внимательно посмотрел на дочь. Кажется, она уже не была уверена, что хочет разговаривать на тему, которая заставила её внезапно прискакать ко мне. Я решил помочь.

– Знаю, что произошло что-то серьёзное. Но ты не знаешь, стоит ли...

– Да.

– И?

– Хлою убили.

– Кого?

Она в упор посмотрела на меня, не желая повторять то, что я и так отлично слышал.

– В смысле, какую Хлою? С танцев?

О Хлое я слышал несколько раз – в контексте Таниных

рассказав о занятиях контемпорари. Мол, Хлоя – огонь, Хлоя – без костей, Хлоя – откуда она только эти движения берёт! Кажется, ровесница моей дочери, но вела несколько групп и её не просто слушали, ей заглядывали в рот, она служила живым недостижимым идеалом для той части молодёжи, что решила в отдельно взятой локации отдельно взятого города постичь современный сценический танец.

Я постарался не выдать внезапно охватившую конечности дрожь, сел, придавив кисти коленями.

– Подробности будут?

Таня, подавшись вперёд, достала из заднего кармана (сколько раз говорил так не делать!) телефон, разблокировала и повернула экраном ко мне.

«По факту обнаружения тела с признаками насильственной смерти в Сосновском лесопарке проводится последственная проверка. Обстоятельства происшествия, включая нетипичный способ сокрытия тела, выясняются. Информация по установлению личности уточняется».

Я прочёл, потом ещё раз. Сосновка. Сударь, уйдите. А я и думать забыл – фигня и фигня. А тут – «по факту обнаружения тела». Не отрывая глаз от экрана, я взял телефон из рук дочери, чтобы посмотреть фотки. Так и есть: та самая поляна с кучей народа в разных одеждах. Вторая – крупный план чего-то, что автор публикации решил замозаить.

– Не понимаю, – просигнализировал о временной приостановке когнитивной функции я.

– Её замуровали в столб. Из какой-то пенной ерунды. На фотографии – этот столб. Она – внутри. У неё вчера был день рождения, – бесцветно объяснила Таня.

– Сколько?

– 18.

Мы помолчали.

– Боишься?

– Да, мне страшно, – кивнула Таня. – Не за себя, ну, типа, тоже так могут, а вообще. Зачем? Вообще бессмысленно!

Ну а мне было страшно как раз за неё. Дрожь-то я унял, но мысли никак не хотели успокаиваться. Это была практически прямая угроза жизни моего ребёнка. И никакими А-В-С понизить градус ужаса было нельзя. Вернее, можно, но не сейчас, когда надо срочно. Я встал, потянул Таню за руки, чтобы тоже встала, обнялись. Постояли. Я почувствовал, что слегка успокоился.

– Давай-ка поживёшь у меня немного.

Таня даже не стала отказываться, только упомянула, что надо бы за некоторыми вещами сгонять. Ну сгоняй, пока день. А вечером будь дома. Вернее, засветло. Пока так. Пока не будет можно.

2 глава

*«У шамана три руки
И крыло из-за плеча
От дыхания его
Разгорается свеча»
Эдмунд Шклярский*

Таня ушилась за пожитками, а я включил комп – написать Ларисе. Лариса – это старая хорошая знакомица. Ещё со студенческих лет, когда я приехал «покорять Питер» в далёком 98-м. Это случилось после того, как меня выперли из МИФИ за необоримое нежелание учиться. Помнится, я тогда решил: что ну и пожалуйста, буду психологом, это гораздо интереснее. И родители пристроили меня в один из частных вузов с гослицензией, которых с избытком развелось в то время. Таким образом я, провинциальный юноша, уже имел представление о жизни в мегаполисе и тотальном одиночестве, которое она подразумевает. Речь идёт о пресловутом «одиночестве в толпе», когда ты снуёшь в людском потоке так, будто участвуешь в забеге по пересечённой местности: тебе надо добраться из одной точки в другую как можно скорее и с наименьшими для себя потерями. И если в каком-нибудь Сургуте или Ейске ты примерно знаешь лицо города, привык видеть одних и тех же людей в одних и тех же местах, даже киваешь некоторым из них, здороваясь по пути на рабо-

ту, то в мегаполисе никаких взглядов глаза в глаза, никакого взаимодействия – всё это бессмысленно и энергозатратно. Впрочем, обругать хама или потолкаться в метро не возбраняется, хотя принцип выбора противника по силам соблюдать полезно. Лайфхак, который сформировался много позже: если встретился в метро с кем-то глазами через полвагона, не надо их отводить, этим ты лишь вызовешь дополнительный интерес, надо просто расфокусировать взгляд – и всё, проблема решена.

Вот и Лариса тоже много знала об одиночестве. Школьные подруги уплыли по реке времён в сторону озера забвения, бабушка, с которой она жила, представляла из себя довольно скучную компанию для девушки 22 лет, а одноклассницы принимать её – шестифутовую блондинку с застенчивым взглядом – в свой кружок не спешили. Поэтому Лариса дружила со мной, приходила в гости в квартиру, которую я снимал вместе с двумя похожими разгильдяями, приносила пиво, угощала сигаретами, которых у нас, разгильдяев, вечно не было. Мы даже сексом с ней несколько раз занимались – опять же, по-дружески, только чтобы безопасно пристроить куда-то свои гениталии. В общем, дружили.

Однажды в летнюю сессию, раскидавшись с каким-то экзаменом, мы с Ларисой вышли из института, синхронно выдохнули и синхронно же пошли за пивом. Купили по паре третьей «Балтики» и устроились в ближайшем сквере под деревом. Молча попили, обсудили сойку, которая прилетала

посмотреть на нас, решили, что эта птица страдает биполярной и сейчас находится в маниакальной стадии.

– Или наслаждается, – добавила вариант Лариса.

– Или наслаждается, – согласился я.

Я не помню, какая тогда была погода. Вероятнее всего, было тепло. Я, скорее всего, был в футболке, джинсах и кроссовках, с вечной джинсовкой в рюкзаке, Лариса, скорее всего, была одета так же. Не совсем, чтобы наш прикид соответствовал тому, что мы затеяли в следующее мгновение, но не сильно и противоречил.

– Поехали за город, – предложил я.

– Куда?

– Есть один раскоп, недалеко совсем, но он не очень известный, поэтому народ там в любое мгновение если и есть, то немного.

Лариса критически осмотрела себя, что-то быстро обдумала и согласилась.

Мы вышли из метро у Витебского вокзала, купили на розлив два литра креплёного вина в наливайке на площади, ещё по пол-литра в освобождённые от пива бутылки – на дорожку – проскользнули на платформу и сели в отправляющуюся через двадцать минут электричку. За те два часа, что заняла дорога, мы выпили вино из «чебурашек» и повеселели (удалось растянуть почти на час), покурили в тамбуре раз семь, с огорчением поняв, что если так дело пойдёт, то у нас очень быстро закончатся сигареты, нашли очень гряз-

ный туалет и по очереди им воспользовались. Никакого плана у нас, естественно, не было. Я просто знал, что надо выйти на станции Оредеж и идти через посёлок, по лесной дороге и полем – должны упереться в речку. Ну а там надо было просто положиться на своё чутьё, инстинкты, магическое зрение и чёрт знает на что ещё.

В общем, мы стояли и озирались, прикидывая, что делать дальше. Надо сказать, что на бетонной плите, которая полого уходила в воду и была, скорее всего, когда-то мостом, до нас наконец дошло, что ночевать нам, вероятно, придётся на платформе, отмахиваясь от туч насекомых, что мы голодные и никаких намёков на провизию в рюкзаках нет (да и какую серьёзную еду засунешь в городской рюкзачок, предназначенный для тетрадок и в котором уже лежала двухлитровая «сиська» с вином?).

Словом, мы посмеивались над своим положением и находились в начале стадии принятия необходимости обратного пути в начинающихся семерках, когда на противоположном берегу неширокой тихой речухи появилась тройца колоритных людей.

– Ой вы гой еси, человеки, – зычно пропел-прокричал предводитель.

– Здравствуйте и вам, добры молодцы, – крикнул я, принимая игру.

– Здравсте-мордасте, – вполголоса сказала Лариса.

Ребята были явно старше нас, но и так же явно до тридца-

ти. Они были хайраты, имели на лбу какие-то разноцветные повязки и одежду, похожую на нашу, только сильно припорошенную пылью. Они несли лопаты и, кажется, кирки, почти пустую пластиковую канистру и «славянские» торбы – простейшие самопальные сумки из грубой ткани, в которых что-то негромко побрякивало, когда они переходили речку вброд.

Оказавшись на нашей плите, они по очереди пожали мне руку, раскланялись с Ларисой. Естественно, я тут же забыл, как кого зовут. Думаю, что они если и запомнили, то только имя моей подруги. Впрочем, эта мысль меня не слишком беспокоила: в любой момент можно переспросить имя собеседника или напомнить своё, в таких кругах это считалось нормой. Впрочем, в крайнем случае можно было обратиться «чувак» и не вызвать непонимания.

– Мы приехали прогуляться и видимо слишком загулялись, – ответил я на вопрос, что мы делаем тут, в местах безлюдных и далёких от человеческого жилья. – Собираемся теперь с духом, чтобы идти к электричке.

– Так она только утром будет, – возразил один из ребят.

– Да, мы знаем. А что ещё делать-то?

– Можете пойти с нами, – пожал плечами предводитель, недавно громко приветствовавший нас с того берега.

– А это куда? – быстро спросила Лариса.

– Тут старый бункер рядом, там наш лагерь. Не понравится – уйдёте.

Мы переглянулись с Ларисой, коротко кивнули друг другу и пристроились в хвост колонны, которая, впрочем, скоро оказалась на месте. Бункер или нет, но перед нами был большой кирпичный сарай – пристройка к капитально развалившемуся огромному металлическому сооружению, которое проржавело во многих местах и содержало на своих площадях вполне взрослые деревья. Внутри сарая было почти уютно: посередине очаг, который принялся разжигать один из хозяев, вокруг разбросаны туристические коврики в количестве нескольких десятков. В углу стояла ничем не прикрытая односпальная панцирная койка. Богато живёте, подумал я тогда.

– Давно вы тут живёте? – подал голос я.

– С прошлой недели, – ответил один из троицы. – Мы здесь в экспедиции.

– Археологи? – это уже Лариса.

– Скорее искатели, – ответил нам вожак. – Это наше место силы. Ну, и ещё нескольких наших ребят. И девчат.

– А лопаты зачем? – казалось, вопрос никого не смутил.

– Здесь очень древнее и магическое место. Тема не типа Гендальфа, а по-другому. Магия самой Земли, нашей планеты. Это место выхода силы на поверхность. Поэтому здесь с древних времён жили ведуны, постигали истину, к ним сюда приходили местные – ещё до новгородцев. Правда, следов самых древних не осталось, сами понимаете, болота, кислая почва, то да сё. Но попадается, что было позже. Просто надо

знать, где копать.

– Ясно, – ответила Лариса.

– Вы голодные, ребята?

Мы были очень голодные. И охотно согласились ответить по большому плюху рисовой каши, которую только что сварили и посыпали раскрошенным бульонным кубиком. Взамен мы передали хозяевам свою бутылку с вином – они с достоинством и с уважением приняли дар, одобрили его возгласами и разлили по появившимся жестяным кружкам. Нам, разумеется, тоже досталось.

Во время неспешной беседы выяснилось, что ребята принадлежат к тусовке «околоинтеллектуальной» молодёжи, занятой поисками высших смыслов и своей миссии на Земле. Про место силы они говорили совершенно серьёзно, и мы так же серьёзно принимали эту информацию. При первой возможности они стремились уехать сюда из города и постигать. Для этого использовался настой самогона на полыни. Ребята утверждали, что этот полумагический и почти сакральный напиток придаёт сил и обостряет ум.

– Снаряд взорвался – Звезда Полынь! И нам в лицо летят осколки! Летов об этом всё знает, – убеждал нас один из искателей.

– При чём тут это? Летов про Чернобыль пел, а этот напиток – сок земли! – возражал ему товарищ.

– Саша, тут до такой степени всё взаимосвязано, закольцовано и инкасп... ин-кап-су-ли-ро-ва-но!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.